

дружескія и привѣтливые лица, улыбалась Раиса Николаевна и до половины обнажала два ряда своихъ жемчужныхъ зубовъ. Но тутъ же заботливая мысль, какъ облачко, пробѣжала по ея гладкому, красивому лбу: она вспомнила, что надо ѣхать на вокзалъ, и поскорѣе, чтобы не опоздать, хотя до поѣзда оставалось еще около часа.

— Пожалуйте сюда!

Шафера позвали новобрачныхъ въ придѣлъ; тамъ стоялъ столѣть, и надо было расписаться въ книгѣ.

— Конечно, Никодимъ Павловичъ, мы на вокзалѣ увидимся?..

Раиса пожала руку своему шаферу.

Когда новобрачные сѣли въ карету, въ окно просунулся огромный букетъ азалій. Кругомъ было столько народу, что нельзя было угадать, кто подаль букетъ. Но Раиса сказала мужу:

— Кто же, какъ не Никодимъ Павловичъ!

Карета тронулась. Уже совсѣмъ смерклося. По обѣимъ сторонамъ улицъ горѣли фонари, и вырисовывались на темномъ фонѣ стѣнъ тусклые красные четырехъ-угольники оконъ. Люди шли и ѣхали... Все это были чужіе, чужіе! Одинъ только Федоръ Игнатьичъ былъ свой. Раиса съ любовью смотрѣла на мужа и ждала, что онъ отыщетъ ея руку.

XVIII.

На вокзалѣ молодыхъ встрѣтили Варвара Тихоновна и Воронилинъ. Посторонней публики еще не было. Гости и гости сѣли и раздѣлились на группы; невеста ушла въ дамскую уборную вмѣстѣ съ своей новой горничной, Варей. Тамъ отцѣпила она шлейфъ, сняла фату и цвѣты и возвратилась въ залъ въ дорожномъ пардессю.

Это общество, одушевленное радостью событія и странностью обстановки, веселилось и разговаривало, точно собираясь въ далекий счастливый путь. Шафера, въ разстегнутыхъ пальто и съ букетиками въ петлицахъ, сутились около барышень, на которыхъ были модныя шляпки.

Никодимъ Павловичъ сидѣлъ возлѣ Раисы. Все время блѣдный, онъ былъ теперь красенъ отъ вина, которое пилъ за здоровье новобрачныхъ.

— Послушайте, Раиса Николаевна, — началъ онъ вполголоса: — я не знаю, въ какой степени мое поведеніе могло показаться вамъ дружескимъ. Очень часто случается, что добиваешься